

ОБЛАКОВ Николай Николаевич, родился в 1888. Окончил Николаевский кадетский корпус и Московское Александровское училище. Кадровый офицер царской армии, с 1914 — на фронте, с марта 1917 — на батарее, с 1919 — воевал в армии Миллера.

В июне 1920 — по просьбе юридического отдела МПКК заполнил "Опросный лист", отметив в графе "Особые замечания".

<23 июня 1920>

«ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ:

Четыре м<еся>ца тому назад, в конце февраля этого года я сдался как военнопленный при ликвидации белого фронта Сев<ерной> области, — видя бесцельность дальнейшего сопротивления. Направленный вместе с остальным командным составом сначала в Петрозаводск, затем в Вологду (в карантин), 30 апр<еля> я был вызван из карантина (лагеря) и переведен (вместе с группой других офицеров и солдат) в Вологодскую тюрьму, а через неск<олько> дней — в Особ<ый> отд<ел> Волог<одской> губ<ернской> ЧК, где написал свою биографию, а затем анкету, не касавшуюся совершенно меня, а относящуюся к организации службы разведки и военно-регистрационной, но т<ак> к<ак> ни этой, ни другой я непосредственно не касался, то и ответить ничего не мог (я занимал должность нач<альни>ка штаба стрелковой бригады, а служба разведки и регистрации подчинялась и руководилась особым отд<елом> штаба военкомандующего войсками Мурманского района). Особый отд<ел> Вологодск<ой> ЧК расформировывался и, не окончив дела, отправил меня в Архангельск, где я пробыл ровно месяц в Арх<ангельском> губ<ернском> испр<авительном> доме и никаким допросам не подвергался, как и ранее. После этого я был отправлен в Москву в О<собый> О<тдел> ВЧК и оттуда сюда, в Бутырскую тюрьму, где и нахожусь. Остальной комсостав штаба бригады, а именно: начальник бр<ига>ды, интендант и др<угие> — уехали прямо из Вологды (карантина) в Москву, а четыре человека были приняты еще в Петрозаводске на службу в Советские войска. Из этого следует, что к штабу бригады, начальником которого был я, — никаких обвинений не предъявляется, лично я тоже до сего времени никаких обвинений не получал. Не имея ни родных, не видя никого из близких, я не имею возможности просить кого-либо ходатайствовать о скорейшем разборе моего дела (если таковое за мной числится?!) и освобождении. За 4 м<еся>ца заключения я сильно подорвал и моральные и физические силы. Особенно угнетает полная неизвестность того, — как долго я должен еще находиться в таком неопределенном положении (без допросов и обвинения), а также полное отсутствие сведений о своей семье, жившей на моем попечении и поддержке. Кроме того, я привык работать, а отсутствие возможности зачастую даже читать что-либо — еще более гнетет и вызывает чувство полной заброшенности и оторванности от света и жизни.

Подпись:

Н. Облаков»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 319. С. 28. Автограф.